
Телефон зазвонил поздно вечером. Наверняка я бы просто-напросто не подняла трубку, как поступала уже много месяцев, но именно в тот день в моих жизненных планах произошел решительный поворот — я прекратила борьбу за спокойную жизнь.

Спокойная жизнь мне требовалась, чтобы написать наконец научно-фантастическую повесть, из-за которой я довела до белого каления добрую половину ядерных физиков Варшавы. Работаю я добросовестно, поэтому совершенно чуждые моей душе технические реалии считаю своим долгом согласовывать со специалистами. И не понимаю, почему они этого не любят.

Всем им я задавала один и тот же вопрос:

— Мне нужна такая штука, которая может улавливать космические лучи. Да нет, я знаю, что лучи состоят из частиц, ну, значит, она должна ловить эти частицы. Скажите, что это за штука?

Простой, бесхитростный вопрос вызывал почему-то смятение, хотя отвечали мне по большей части вежливо и всегда одно и то же:

— Да ведь эти частицы всё пронизывают. Они, знаете ли, сквозь всё проходят.

Я резонно возражала ученым:

— Вот именно, и дело как раз в том, чтобы эта штука имела дно.

Как только упоминалось дно, отловленный физик начинал нервничать и старался сплавить меня коллеге. Хоть бы один проявил оригинальность — нет, реакция у всех одна и та же! Не иначе как злополучное дно представляло собой военную тайну, которую они не имели права открыть постороннему.

Неудивительно, что в таких условиях повесть продвигалась вперед с большим трудом.

Но я не сдавалась и ни на йоту не отступала от творческих планов, с головой погрузившись в свое занятие и не обращая внимания на странные, удивительные события, с некоторых пор преследовавшие меня. События, однако, множились, упорно отвлекали меня от вдохновенного литературного труда, и наконец пришел день, когда отвлекли окончательно. Вот в тот день я и прекратила борьбу за спокойную жизнь, сложила, так сказать, оружие ввиду превосходящих сил противника.

И странное дело: последний гвоздь моей спокойной жизни забила сушая безделица, так называемая вонючка. Незнакомые люди пришли с жалобой и привели моего младшего сына. В их дворе он запустил упомянутую вонючку, доказательством чего

служила дыра, прожженная на штанах виновника. Дело происходило в добром старом дворе, этаким шестиэтажном колодце, так что вонючка полностью оправдала надежды ее создателя. Люди, доставившие сына, имели все основания быть недовольными, и мне стоило немалых усилий хотя бы отчасти смягчить их негодование.

И вот тогда я как-то вдруг поняла: борьба за спокойную жизнь мне явно не по силам. И решила ее прекратить. Таким вот образом и космические лучи спасовали перед вонючкой.

Ну и вечером того же дня зазвонил телефон.

Время для меня было совсем не позднее, всего одиннадцать часов. Точнее, двадцать три часа семь минут. Время я так точно определила потому, что тикающий у меня под носом будильник показывал двадцать три двадцать три, а поскольку он убегает вперед на пятнадцать минут, сосчитать совсем просто. Задышающийся голос в телефонной трубке прошептал:

— Спасите, они убьют меня! Умоляю, милицию, скорей, улица Пясечинская, восемнадцать, квартира двадцать один, опять эти двое...

Голос прервался, в трубке послышались какие-то зловещие звуки — хрипение, стон, какой-то удар, после чего наступила тишина. Я замерла, не

выпуская трубку. Опять звук удара, стук, потом вроде разговор двух мужчин, ни слова не разобрать. Потом голоса отдалились, слышны были лишь легкие постукивания.

Я положила трубку даже не очень удивленная, так как почти привыкла, что вечно попадаю в эпицентр необычных событий. И подумала: как хорошо, что я распрощалась с мечтой о спокойной жизни, ведь не отреагировать на такой телефонный звонок с моим характером просто невозможно.

Может, это дурацкий розыгрыш? Человек, который звонил, так и не положил трубку.

Проверим. Я подняла телефонную трубку и убедилась: телефон заблокирован. Даже если и розыгрыш, надо как-то разъединиться с его автором, не то шутка может затянуться. Шутник оставит трубку рядом с телефоном, утром уйдет на работу, и я как минимум до вечера останусь без связи. А у меня на следующий день запланированы очень важные разговоры, в том числе и с одним физиком-ядерщиком.

Телефон заблокирован, и помочь может лишь бюро ремонта телефонов, но туда надо дозвониться, для чего опять-таки нужен телефон. Замкнутый круг.

А если это не розыгрыш? Нет, надо поскорей сообщить в милицию. Пусть она ломает голову.

Милиция... С определенного момента мои контакты с ней стали весьма оживленными — я обладаю поистине уникальной способностью влипать в разные истории. И теперь снова побеспокою власти, да еще с таким сообщением! Но другого выхода нет, придется идти к соседям, чтобы от них позвонить. Спустившись этажом ниже, я взглянула на часы и все-таки нажала кнопку звонка. Потом еще и еще и только тогда вспомнила: два дня назад соседи спускались по лестнице с чемоданами. Глухая тишина за дверью подтвердила предположение — они уехали в отпуск.

Вернувшись к себе и убедившись, что телефон по-прежнему заблокирован, я взяла сумку и побежала звонить в уличный телефон-автомат. Конечно, он оказался испорчен. Где ближайший исправный автомат, я не знала, у кого еще из соседей есть телефон — представления не имела, а звонить подряд во все двери не отважилась. Вернувшись к дому, я решила взглянуть на свою машину — сейчас скажу почему.

Думать лучше сидя, и я забралась в машину. Выбор у меня был богатый: поискать исправный телефон-автомат, поехать на главпочтамт и позвонить оттуда, остановить первую же патрульную машину,

доехать до своего районного отделения милиции. И тут мне стукнуло в голову — ведь Пясечинская улица всего в ста метрах отсюда.

Я сидела за рулем, ключ торчал в зажигании, и рука сама собой повернула его. А раз повернула, то машина двинулась. А раз двинулась — в сторону Пясечинской...

Мне пришлось притормозить, потому что с Пясечинской как раз выкатила старая «варшава». И больше ни одной живой души вокруг.

Я подъехала к дому номер восемнадцать и вышла из машины. Дверь в подъезд была открыта. Лифт не работал. Я поднялась на пятый этаж и остановилась перед квартирой номер двадцать один.

Может, шутник целился не в меня, а в жильцов этой квартиры, вызывая на их голову среди ночи милицию? А мне звонил совсем из другого места, оттуда и заблокировал телефон? Вот сейчас перебужу незнакомых людей. Надо было просто из любого ночного ресторана позвонить в бюро ремонта. Господи, чего я сейчас наслушаюсь от вырванных из теплых постелей людей! А шутник спокойно положит трубку на место, и я даже не узнаю, кто нас

разыграл. Почему я то и дело влипаю в дурацкие истории и с возрастом ни капельки не поумнела?

Естественно, я нажала на кнопку звонка, приготовившись к самому худшему. Тишина. Сделав приятное выражение лица, я нажала еще раз. По-прежнему тихо. Нажимая в третий раз, я подумала, что еще возможен третий вариант: шутник хотел разыграть не меня и не жильцов этой квартиры, а милицию, которую почему-то не любит и решил поиздеваться над нею. После чего я осторожно взялась за дверную ручку.

Дверь оказалась незапертой и легко поддалась, за ней клубилась темнота.

Я в нерешительности стояла на пороге. Может, все спокойно спят, а дверь забыли запереть на ночь, и очень интересно, как мне объясниться в милиции, когда меня будут допрашивать в качестве взломщика-домушника.

Пошарив по стене у дверного косяка, я зажгла свет и слегка приободрилась. По-прежнему царил тишина. Передо мной была маленькая прихожая с кухонной нишей и приоткрытой дверью в комнату. Решившись, я на цыпочках прошла через прихожую, включила свет в комнате. И застыла на пороге.

Труп предстал моему взору сразу и целиком. Мне повезло. Если бы мне на глаза попались